

Литературная газета

№ 44 (535)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 9 августа 1935 г.

Первый Всесоюзный слет парашютистов открылся 6 августа с. г. в Центральном аэродроме СССР им. А. В. Носарева (Тушино). На сн.: Т. Дмитриев беседует с мастером парашютизма Ниной Камневой

Боевая программа

Все ярче и отчетливее вырисовывается на Конгрессе Коммунистического интернационала боевая программа создания единого фронта пролетариата и всех антифашистских сил для борьбы против реакционных, антинародных планов империалистической буржуазии.

В прениях, развернувшихся по докладу т. Дмитриева, представители коммунистического авангарда рабочего класса во всех странах мира единодушно и горячо поддерживают этот важнейший стратегический документ момента, доведут боевого единства народных масс на платформе активного, революционного действия, противопоставляемого угрозе новой войны и разгрома фашистской реакции.

Тов. Дмитриев в своем докладе поднимает мастерскому анализу специфические трудности и своеобразные задачи, встающие при осуществлении единого пролетарского фронта в каждой отдельной стране. Он развернул перед конгрессом широкую картину вовлечения в русло общепролетарской антифашистской борьбы различных слоев и групп, постепенного покаявшихся ограниченную точку зрения мелкой буржуазии и ставящихся на позиции революционной классовой борьбы. В частности т. Дмитриев со всей силой подчеркнул в своем докладе значение единого фронта для привлечения на сторону рабочего класса лучших представителей мировой интеллигенции, уже совершивших первые шаги в сторону осознания своей настоящей роли и своего настоящего места в борьбе пролетариата против империалистической войны и фашистской реакции.

«Революционный пролетариат», — говорил в своем докладе т. Дмитриев, — борется за спасение культуры народа, за ее освобождение от оков загнивающего монополистического капитала, от варварского фашизма, насидущего его. Только пролетарская революция может предотвратить гибель культуры, поднять ее до высшего расцвета как подлинно народную культуру — национальную по форме и социалистическую по содержанию, — что на наших глазах под руководством Сталина осуществляется в Советском союзе».

В этих немногих словах т. Дмитриев обрисовал и выразил всю ту сумму вопросов, которые волнуют лучших мастеров культуры, которые, в частности, явились основными вопросами Парижского конгресса писателей. Речь идет о том, чтобы противопоставить, и не только на словах, а на деле, единый фронт всех подлинных защитников завоеваний мировой

науки и искусства, подлинных сторонников нового пролетарского гуманизма, образец которого дает Страна советов, — фашистскому мракобесию, реакционной фальсификации науки, идеологии звериного человекоунижения. Блестящие слова т. Дмитриева о задачах борьбы коммунистов против фашистских националистических извращений истории народов, о роли пролетариата в подлинном национальном освобождении всех народов мира на основе их освобождения от гнета капиталистической эксплуатации — дополняют эту величественную программу пролетарской борьбы за подлинную культуру против фашистского варварства.

Перед советскими писателями, которые живут, борются и творят под солнцем Советской страны, стоит сейчас задача развернуть работу по укреплению и расширению боевого единства действий с лучшими представителями мировой интеллигенции, на которых многие уже сказали свое слово на конгрессе в Париже. Массы советских читателей должны быть ознакомлены с тем, что говорилось и что решалось на конгрессе. И с этой точки зрения следует приветствовать предприятие Гослитиздата издание стенограмм и других материалов этого важнейшего съезда.

Далее встает задача — сделать художественные произведения иностранных писателей, участников антифашистского, антиимпериалистического фронта, достойным широким читательским массам СССР. Книжки Андре Жюль, Жан-Ришар Блюка, Генриха Манна, Леона Фейхтвангера и многих других друзей СССР и защитников культуры должны быть, по мере их издания, воити в повседневный обиход наших массовых библиотек.

Наконец, советским писателям предстоит укрепить и расширить личные связи, установившиеся с выдающимися мастерами — участниками Парижского конгресса. Все более отчетливо выявляющаяся тяга этих писателей побывать в СССР должна встретить гостеприимство советских писателей и всей советской культурной общности. Мы должны всемерно и заблаговременно помогать нашим талантливым друзьям в живой действительности великой Советской страны, распознавать те черты настоящего пролетарского гуманизма, подлинной человеческой культуры, знания борьбы за которую высочайше поднял Конгрессом Коммунистического интернационала.

Единый фронт — единственно возможный фронт

БЕСЕДА С ШАРЛЬ ВИЛЬДРАКОМ И ЛЮК ДЮРТЕНОМ

Интерес западноевропейской интеллигентной элиты к советским делам давно уже перешел стадию любопытства. Потусторонняя Европа все чаще свидетельствует нам, в лице лучших своих представителей, свои симпатии. Мы не ошибемся, если найдем имена французских писателей в первых рядах этого движения, которое принимает характер подлинной дружбы. За последние месяцы в нашей стране побывали: великий друг нашей страны Роман Роллан, Анри Барбюс, Андре Мальро, Жан-Ришар Блюк, Луи Арагон, Поль Низан, Леон Мусниак и многие другие французские писатели. Невольно на их проводили долгие месяцы в разных углах нашего Союза, изучая жизнь наших городов и деревень, нашу литературу и культуру, чтобы поведать о наших достижениях своим соотечественникам. Это желание привело к нам сегодня известную всему цивилизованному миру французских писателей Шарль Вильдрака и Люк Дюртена.

Основатели журнала «Европа» Вильдрак и Дюртен безусловно — один из лидеров франко-советской дружбы. Книга Люк Дюртена «Другая Европа», написанная в результате посещения французским писателем Советского Союза в 1929 г., достаточно красноречиво говорит об этом.

В другом беседу о сотрудничестве «Литературной газеты» французские товарищи поделились своими мыслями и впечатлениями.

— Вам, должно быть, надоели привычные слова, по поверью, они в одинаковой степени импортируют и нам. Довоенному поколению во многом пришлось разочароваться на Западе, и похвальное слово, обращенное к нашему героическому народу, звучит для нас не только как констатация фактов, но и как вера в человеческий талант и разум. Любые факты из любой области, будь то земледелие или невропатология, спорт и литература, наука или строительство, могли бы послужить иллюстрацией нашему тезису.

Когда советский делегат заявил на

дня история, бледнеют перед этими документами. Конечно, широкая пресса, ежедневные газеты за исключением «L'Humanité» и несколько других газет не могут разрешить себе роскоши такого разоблачения. Обясняется это очень характерным для всего буржуазного мира и в частности для Франции положением. Все публикации, которыми только и живет буржуазная пресса во Франции, находятся в руках Hachette. Редактор газет, который пометит разоблачать, на следующий же день может считать себе другую работу. Но во Франции надо принять активней участие, присунуть ел критического духа. Этот дух все сильнее проявляется во французских еженедельниках, которые, не имея большого массового читателя, тем не менее могут существовать благодаря подписчикам. Роль этих еженедельников велика в общественно-политической жизни: Франция сегодняшний день. К таким журналам относятся: Monde, L'Information sociale, L'Unité, сатирический Canard enchaîné и многие другие. Эти журналы очень много сделали для создания единого фронта, большое значение и большая организаторская роль которого никак не может быть поставлена под сомнение. Успех единого фронта многих заставил переосмыслить свои позиции. Так например, Жюль Роман, который до сих пор ввел в некоторые вождя фашизма олицетворяющие мочи (C'est le gangster, mais c'est une force), 14 июля участвовал в демонстрации единого фронта. Нам кажется, Жюль Роман понял, что франко-немецкий конфликт не есть только «спихический конфликт». Конечно, Жюль Роман далек от позиции Андре Жюль, тем не менее фашистская концессия культуры должна была привести его в ужас. Так образовалась во Франции самая широкая антифашистская интеллигентная коалиция. Человек, стоящий вне этой коалиции, добровольно ставит себя вне культуры.

Границы политического и художественного оказались стертыми перед

ента — Том стихов, стало понятным, что ли не вызывающим улыбку во Франции. Тем не менее, говорит Дюртен, поэзия остается самым возвышенным способом выражения писателя перед миром.

— Не лучше обстоят дела и в других областях искусства. Возьмем французский театр. У нас репертуарная комиссия просто не разрешит постановку ту смесь банальности и легковесности, которую представляют собой эти пьесы, ставшие чуть ли не национальной особенностью Франции. Всегда одна и та же проблема встала, которая несмотря на свою ветхость, находит реинтерпретацию в спальне. Это тот же роман-фельетон, наипошарнейший на сцену. У нас есть театральные комитеты, которые пытаются изменить ход вещей, но комитетам влетит не они, и магнитная стрелка сличком часто поворачивает не в их сторону. Директор театра — вот кто определяет тему, и ее разрешение и наша улыбка подтверждает единство наших взглядов на этот счет.

— Мне хотелось бы сказать несколько слов о французской живописи, — говорит Вильдрак. — Кризис, с материальной стороны, губительно отразился на художниках, работавших в Париже, привнес им полосу. Постарайтесь объяснить, Матти говорил прежде: «Как же я куплю ценности, ведь самая большая и устойчивая ценность это золото, которое я делаю сам», и он клял свои полотна в сумку. Но не все поступали так. Общеизвестно то безобразия, которое в буржуазном мире называлось любовью к искусству и мерлом которого являлись три брата: франк, фунт и доллар. За период от 1920 до 1930 г. французская живопись оказалась в полной власти американских и прочих торгашей. Живописцы думали, во-первых, о том, чтобы им поира-

Скоро начинается учебный год в школах, техникумах, вузах, специальных учебных заведениях. В нашей стране, где учатся миллионы и миллионы строителей социализма, подготовка к учебному году и изучение учебной работы приобретают решающее значение. Рост культурных запросов самых широких слоев и повышенный интерес к искусству и художественной литературе. Наша литература, как ни одна из литератур мира, действительно, писатель художественным словом участвует в борьбе и строительстве социалистической новы. Тем большую ответственность это обстоятельство возлагает на преподавателей художественной литературы, на органы, руководящие делом образования и воспитания в нашей стране.

Какие основные пороки были в недавнем прошлом в деле преподавания художественной литературы? Вульгарный социализм, игнорирование текстов художественной литературы, абстрактный и неисторический подход к явлениям художественной литературы. Изжит ли до конца опасность вульгарного социализма в преподавании художественной литературы? Нет! Еще и по сей день в наших школах и вузах можно найти, если не явные признаки, то сильные еще отзвуки вульгарно-социологического подхода к изучению художественной литературы. Преподать выписки из работ ученых наших десятилетий. Каким образом преподаватели ставят тему? Вот наиболее характерные: «Образ вождя в советской художественной литературе», «Классовая борьба в произведениях Шолохова, Панферова», «Значение Дзержина Бодного как революционного поэта».

У нас в постановке темы, заданной учащемуся преподавателем, мы не видим места для анализа художественных достоинств, изобразительных средств художественного произведения. Учащийся подходит к художественному образу героя как к живому человеку, а не как отражению реальных человеческих отношений, выраженных в художественном образе. Причем ИАК это выражено, ИАКОВ художественный метод, ИАКОВА система художественно-изобразительных средств, ИАКОВА художественная ткань своего произведения, что часто остается невыясненным. А это далеко не последние вопросы. Нам необходимо, следовательно, не впадать в формалистский технократизм, привить учащемуся чувство понимания ХУДОЖЕСТВЕННОГО, посылить его эстетический вкус. Без этого мы не свядем дело литературного воспитания с мертвой точ-

ки. Правда, не раз уже отмечалось, что характер учебников по художественной литературе, написанных сукоными бюрократическим языком, вряд ли способен развить у учащегося чувство вкуса, развить любовь к художественной литературе. В составлении и оформлении учебников писательская организация должна принять самое активное участие. Правление союза следовало бы создать советные преподаватели художественной литературы совместно с писателями и критиками, на котором должны быть обсуждены все наиболее важные вопросы преподавания художественной литературы.

Перед нами стоит и вторая опасная задача — под видом борьбы с вульгарным социализмом объявить борьбу марксистскому социализму в изучении художественной литературы, поворачивая в сторону формализма. Такие тенденции есть. Они проявляются в литературоведении и критике. Они находят свое место и в преподавании художественной литературы. Эта опасность реальная и с ней следует вести решительную и непримиримую борьбу.

На страницах «Литературной газеты» была проведена дискуссия о воспитании молодого писателя. В этой дискуссии раздавались голоса о необходимости закрыть Литературный вечерний университет, а также предложения о превращении его в институт по типу существовавшего когда-то института им. В. Брюсова. И та и другая точка зрения неправильны. Недавно на секретариате Правления ССР по докладу дирекции ВРЛУ было принято решение о типе этого учебного заведения. Категорически было отвергнуто предложение о превращении ВРЛУ в институт. Правильно раздавались голоса, что мы не можем готовить повествователей, поэтов, драматургов. Но ВРЛУ, который не беря на себя никаких обязательств, поднимает общекультурный и литературный уровень пиружеского, рабочего поэта и писателя, такое учебное заведение необходимо. Его нужно укреплять, расширять базу, помочь ему привлечь лучшие московские преподавательские силы и направить дело заочного воспитания.

Вечерние рабочие литературные университеты имеют широкое распространение. Готовы ли они и предстоящему учебному году? Пересмотрены ли программы? Подобраны ли надежные кадры преподавателей? Как вооружено руководство этих учебных заведений на борьбу с опасными тенденциями, которые обнаруживаются в деле преподавания художественной литературы?

СОВРЕМЕННАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЛАНЕ ГОСЛИТИЗДАТА

Беседа с главным редактором И. К. Лупполом

Центром внимания мировой культуры, в частности литературной жизни этого года, был Международный конгресс писателей в защиту культуры, работавший 21—25 июля в Париже. Наши газеты широко освещали и своих странских зрители конгресса. Члены советской делегации по возвращении из Парижа выступили и еще продолжают выступать с докладами и рассказами об этом конгрессе. 11 августа, например, в Центральном парке культуры и отдыха состоится выступление членом советской делегации И. К. Лупполом, посвященные конгрессу.

В Советском союзе интерес к конгрессу настолько велик, что сокращенные стенограммы, печатавшиеся в газетах, не удовлетворяют читателей. Поэтому нельзя не признать целесообразным решение Гослитиздата более полно и широко ознакомить наши читательские массы с тем, что происходило на конгрессе. Об этом рассказав нам в двух вернувшихся из-за границы главный редактор Гослитиздата И. К. Лупполом.

Осенью текущего года, — сказал т. Лупполом, — Гослитиздат выпустит сборник, в который войдут все доклады и важнейшие выступления иностранных и советских делегатов на конгрессе. Речь иностранных писателей уже переволана. Доклады и речи будут напечатаны не по сокращенным стенограммам, появившимся в периодической печати, а в том полном виде, в каком они были прочитаны на конгрессе. Сборник предполагается иллюстрировать портретами участников конгресса.

— Пребывание в Париже, — говорит далее И. К. Лупполом, — дало мне возможность лично вести переговоры с рядом крупнейших иностранных писателей о выпуске у нас их произведений. Мы издадим не только все ценное из того, что уже за последние время вышло на иностранных языках, но и ряд новейших произведений, над которыми писатели сейчас еще продолжают работать.

Революционные и радикальные писатели различных стран проявляли большой интерес к Советскому союзу и выражали желание посетить СССР. Многие из них предлагали свои произведения для издания на русском языке. Мы издеем сейчас рукописи от греческих писателей, которые должны нам прислать Лилана Никос — член делегации Греции. Индийский писатель Раджа-Рао перешел нам свои новеллы, печатавшиеся во французских и английских радикальных журналах. Представитель Гослитиздата сборник переводов советского писателя Магидова, проживающего в Америке, будет включен в неприемлемую нами антологию негринской литературы.

В 1936 г. будет закончено издание полного собрания сочинений Романа Роллана. Значительно продвинуется издание сочинений крупнейшего французского писателя «Власти — это дух» радикальной Франции Андре Жюль.

ДНЕВНИК ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

Скоро начинается учебный год в школах, техникумах, вузах, специальных учебных заведениях. В нашей стране, где учатся миллионы и миллионы строителей социализма, подготовка к учебному году и изучение учебной работы приобретают решающее значение. Рост культурных запросов самых широких слоев и повышенный интерес к искусству и художественной литературе. Наша литература, как ни одна из литератур мира, действительно, писатель художественным словом участвует в борьбе и строительстве социалистической новы. Тем большую ответственность это обстоятельство возлагает на преподавателей художественной литературы, на органы, руководящие делом образования и воспитания в нашей стране.

Какие основные пороки были в недавнем прошлом в деле преподавания художественной литературы? Вульгарный социализм, игнорирование текстов художественной литературы, абстрактный и неисторический подход к явлениям художественной литературы. Изжит ли до конца опасность вульгарного социализма в преподавании художественной литературы? Нет! Еще и по сей день в наших школах и вузах можно найти, если не явные признаки, то сильные еще отзвуки вульгарно-социологического подхода к изучению художественной литературы. Преподать выписки из работ ученых наших десятилетий. Каким образом преподаватели ставят тему? Вот наиболее характерные: «Образ вождя в советской художественной литературе», «Классовая борьба в произведениях Шолохова, Панферова», «Значение Дзержина Бодного как революционного поэта».

У нас в постановке темы, заданной учащемуся преподавателем, мы не видим места для анализа художественных достоинств, изобразительных средств художественного произведения. Учащийся подходит к художественному образу героя как к живому человеку, а не как отражению реальных человеческих отношений, выраженных в художественном образе. Причем ИАК это выражено, ИАКОВ художественный метод, ИАКОВА система художественно-изобразительных средств, ИАКОВА художественная ткань своего произведения, что часто остается невыясненным. А это далеко не последние вопросы. Нам необходимо, следовательно, не впадать в формалистский технократизм, привить учащемуся чувство понимания ХУДОЖЕСТВЕННОГО, посылить его эстетический вкус. Без этого мы не свядем дело литературного воспитания с мертвой точ-

Шарль Вильдрак и Люк Дюртен на Октябрьском вокзале

Конгрессе в защиту культуры, что советская литература считает себя законным наследником всех созданных человечеством ценностей, среди нас не нашлось бы ни одного человека, который не чувствовал бы глубокую правду этих слов. Таким объясняется наше настоятельное внимание ко всему, что происходит в Советской стране. Любопытство давно уступило место живой заинтересованности, ибо человек, который думает о великой культуре, созданной человечеством, не может не думать о новом гермене этой культуры.

В Западной Европе, как и в Америке, очень любят говорить о стилизации, которую мы там достигли. Сможете вы уверить, что никогда эта стилизация не превратилась во второе ступень буржуазных добродетелей и норм. Характерная деталь. Что собой представляют европейские и, если хотите, американские полезные дороги? Париж, Лондон, Берлин, Буэнос-Айрес, Нью-Йорк, Гамбург — все эти города строят свои подземки по тому же принципу, по которому они строят канализационную сеть сточных вод. Нечестную воду заменяли человеческие тела. Быстро переживания под землей, которая сделала бы возможным быструю передвижения на поверхности земли. — вот единственная цель, поставленная и разрешенная этими строительными. Разрешения вашего метро выгодно отличает от западных строителей именно тем, что ни на одну минуту не оставляла мысль о людях, для которых делается дорога. По этому мы считаем, что Московский метрополитен есть не только физическая, но и моральная категория.

У нас много говорят о личности, но почти, как правило, забывают человека. До какого размера может быть эта личность, видно из недавно опубликованной анкеты журнала «L'Information Sociale», редактируемого Дюло. Анкета касалась производства и торговли пушками. Самые жуткие предательства и коварства, которые запо-

фашистской угрозой. Об этом свидетельствует наш конгресс, создавая новую роль которого не мне обяснить Вам, представителю советской печати.

Тот же самый критический смысл, характерный для французского, о котором мы упоминали вначале, безусловно является серьезным фактором против фашизма. Так например, додаточно было доведение на свет книги вождя французских «Крестовиков» (Стих de feu) Ли Рока, чтобы она превратилась в могильную плиту его деятельности.

Художественная книга как орудие борьбы долго оторгалась у нас. Большемысленный роман-фельетон больше сделал для этого, чем любая теория о независимости и чистоте ры искусства. На год в год, с момента появления больших газет, публике представляли бесконечный фельетон — суррогат художественной прозы. Свой грив, панесенный этим фельетоном на тело романа, не менее чувствитель, чем вред, нанесенный им сознанию среднего француза. Российский читатель, насколько нам известно, избежал, во всяком случае в таких долах, губительного влияния романа-фельетона. Путь к сознанию читателя на много чище у нас и это большое преимущество в борьбе за создание нового человека, что должно являться непререкаемой целью настоящей большой литературы. Современному французскому роману предстоит трудный путь утверждения новых тем. Что касается стихов, то тут дела обстоят еще хуже. Их мало печатают у нас и самое главное не видно молодых поэтов. Безусловно, к интересным явлениям французской поэзии, за последние годы, должны быть причислены стихи Сиппервиля. Есть талантливые поэты вроде Миасси, но работа этих людей остается секретом интимных друзей. Стихи эти не появляются в печати. Во Франции все были удивлены сообщением о том, что Дюртен выпускает большой том своих новых поэм «Четыре конти-

нента» — Том стихов, стало понятным, что ли не вызывающим улыбку во Франции. Тем не менее, говорит Дюртен, поэзия остается самым возвышенным способом выражения писателя перед миром.

En France, nous avons l'impression pour le moment de pister dans une impasse. Ici, l'on marche joyeusement sur la grande route.

Autographe Шарль Вильдрак

On somme nous? Des jeunes aux allures frotées, des visages riles et feroce, de la gaieté partent — et des baffes nouses? En URSS, certainement!

Autographe Люк Дюртена

Книга о Советской стране

КНИГИ

„Рождение „Мал-Хадари“

„Счастье“

Тему своей новой книги «Горы и люди» М. Ильин в предисловии формулировал так: «Здесь же, — пишет он, — мне хотелось бы рассказать о том, как в нашей стране люди по одному общему плану и замыслу преобразуют поля, и леса, и реки, и свою собственную жизнь». Тема эта неслучайна, исчерпывает ее не только в одной, но даже в сотне книг невозможно, и Ильин показывает только некоторые участки этой грандиозной работы по «перестройке природы», которая разворачивается в нашей стране. Большая Волга, орошение Заволжья, работы Мичурина, опыты по регулированию погоды, орошение Каракумской пустыни, горно-геологическая разведка — вот о чем идет речь в восьми рассказах Ильина.

Самое замечательное в книге — дела большевиков, которые в ней описываются. Может ли быть для писателя более благодарная и более почетная задача, чем эта? Но Ильин не только внятно замечательную тему, — он прекрасно справился с ней. Книга эта захватывает с первых же страниц, впечатляет, провозглашает его, огромно. Книга Ильина воспринимается в молодое, любознательное, к советской родине, огромный интерес к научной работе, страстное желание участвовать в социалистическом строительстве.

На XVII съезде партии тов. Сталин поставил перед партией и перед страной задачу исключительно грандиозную по своему масштабу, по значению для народного хозяйства. Тов. Сталин предложил «стремиться к серьезной работе по организации дела орошения Заволжья». Орошение Заволжья — это уничтожение засухи, это конец вечной угрозе недородов, высшей над плодородным Заволжьем, это зажиточная и культурная, счастливая жизнь для миллионов. Обо всем этом рассказывает Ильин в главе «Приход хозяйства». Молодежь наша часто не знает прошлого. Ильин велит читателям назад, в страшные времена чары.

С огромной силой Ильин показывает, как никуда, заблуду, молодую парскую деревню душили неурожай, как вымирали от голода деревни, волости и целые уезды, а подрачки, купцы, фабриканты выжили миллионы на голоде и на «помощи голодающим».

В Советском союзе старому врагу — засухе — объявлена беспощадная война. Чтобы оросить Заволжье, большевики решили перестроить Волгу.

Идет заседание Академии наук. «О чем шла речь на заседании Академии? Речь шла о судьбе рек и морей нашей страны. Судьбы рек и морей никогда еще не решались на собрания ученых. Реки рождались, росли и умирали без академиков. Моря затопляли сушу и отходили назад, и никто не управлял сознательно их судьбой и жизнью. Но пришло время решить и их судьбу. И первыми предстали перед судом Волга и Каспий».

Это — отрывок из рассказа «Живая карта». Дальше идут увлекательнейшие страницы о том, как будут соединены пять морей, реки возьмутся за руки. Велю море соединится с Черным, ледяное Полярное — с горчичным Каспийским. Ни одна водная система в мире не сравнится по длине с этой. Центральным портом ее будет Москва». Ильин показывает дальше, как предполагается выпрямить Самарскую дугу, как будут строиться гигантские плотины на Волге, как «единая высоковольтная электрическая сеть свяжет в одно живое целое и Донбасс, и Поволжье, и Урал, и Кавказ, и Центрально-Промышленный район и центральную

область. По одной системе проведут поетесь из области в область, из края в край электрическая энергия». Свой прекрасный рассказ о том, как в парской России сухой всегда оставался победителем в борьбе против жадных крестьянских полей и как в Советской стране он скоро будет окончательно побежден, — этот рассказ Ильин заканчивает следующим изображением недалекого будущего.

«Оросительные каналы разделяет степи на огромные клочки. Вдоль каналов вырастает лесные полосы для защиты полей от суховеев. Каждое поле будет как огромная комната, орошенная с четырех сторон зелеными живыми стенами.

Вдоль бетонного берега каналов побегут электрические тележки с насосами и дальноточными насадками для поливки. Сигнал бригадира — и мощный искусственный ливень с шумом обрушится на поле.

«Но откуда возьмут воду? Воду возьмут на Волге».

Русло Волги на много метров ниже заводских степеней. Чтобы вода подымалась, ее надо будет качать насосами. Мощные насосные станции будут гнать воду из Волги по трубам огромной толщины в искусственные озера — водохранилища. Новый, третий маршрут будет указан воде: река — канал в степи. И вода должна будет послушаться.

Так на земле возникает стройный и правильный чертёж водохранилищ, каналов и лесных полос.

Люди, которые будут смотреть сверху, с самолета, будут завидовать, что вижу не земля, а какают-то другая планета, похожая на Марс, с его темными лаванами и кружками.

Новый будет земля, и новым будет человек на этой земле.

Будет ли похож земледельец-инженер, земледельец — победитель засухи на того картинка земли, которого звали «Россия под двуглавым орлом и трехцветным знаменем?».

В рассказе о Каракумской пустыне Ильин так же, как и в рассказе об орошении Заволжья, показывает три «судьбы», о которых говорил Горький: прошлое, настоящее и будущее.

«...На мелкие десяти тысяч лет делю войну с пустыней... Многие тысячи работ, затопленные в безводные пески, голыми руками люди копали каналы и бассейны. Строили стволы и башни на песках. Огромного труда стоили древние сооружения, и как ниоткуда были результаты борьбы человека с природой! Пустыня надвигалась на его постройки, песками засыпала каналы, рушила глиняные стены и гнала людей на тысячи километров. Но много ли земли отвоёвывали люди у пустыни? Нет. За тысячи лет людям удалось отвоёвать только узкие полосы земли».

Кощмаром тяжелой и безысходной была жизнь людей пустыни в парской России. Дикие набеги царских сатрапов, разрушавших все на своем пути, уничтожавших целые племена. «Предлагаю вам тотчас же двинуться в копыта номулов... и продать эти копыта номулов и сшить их пополам и современному разорению и истреблению» — так гласил приказ царского генерала Кауфмана, в точности приведенный в исполнение. По этому приказу были убиты все: мужчины, женщины, дети, грудные младенцы...

Но пришел конец рабской жизни, рабочий класс стал хозяином страны, по-новому стали жить народы бывшей парской России. Теперь и война с пустыней «пойдет по-новому. Счет будет не на тысячи лет, а на пятилетки. План и наука будут править там, где работала вслепую, где сегодня разрушали то, что создавали вчера».

Как огромны задачи, за разрешение которых берутся большевики! Река Аму-Дарья течет в Аральское море. Но для того, чтобы обводнить

Заволжье Туркмению, надо повернуть русло Аму-Дарьи: пусть течет не в Аральское, а в Каспийское море. Ильин рассказывает о проекте профессора Шнейдермана, по которому течение Аму-Дарьи загородит плотина, река свернет в сторону, в новое русло, в Каспийское море.

Ильин рассказывает о том, как пустыня получит воду и перестанет быть пустыней, как люди останутся движением песков, как вырастут в каракумских песках травы и кустарники, как установят ветряные двигатели там, где ничего не было, кроме песков и ветров. «Разве может быть недостаток энергии там, где ветер срывает палатку и уносит ее на сотни миль? Разве может быть нехватка в энергии там, где ветер поднимает целые тучи песка на километр в высоту и все вокруг засыпает сухим туманом? Наше дело — дать ветру желаемые крылья. Пусть он работает крыльями, добывает для нас воду летом и электрический свет зимой. Пройдет несколько лет, и в пустыне вырастут крылатые башни. А у подножья башен будут домы и сады, поля и огороды. Пройдет немного времени, и в каракумских песках будут построены солнечные установки, и «солнце, которое в пустыне было до сих пор врагом человека, станет его другом. Солнце будет орошать поля, солнце будет давать людям воду для питья, Солнце будет работать на заводах и промыслах — выплавлять серу, выпаривать воду, кипятить растворы, осаждают соли».

Это — только несколько отрывков из рассказа о том, как большевики уничтожат бесплодную пустыню, как они возьмут в плен ветер и солнце и заставят их работать на желтой, пустыни, как расцветет жизнь людей на когда-то мертвых и страшных песках. Рассказ этот кажется подлинной историей. Есть в книге Ильина немало таких мест, где теряется грань между действительностью и фантазией. Но эта фантазия, как небо от земли, далека от бесплодной и большой фантазии инкальческих капиталистов-писателей и поэтов, убогих от жизни, от ее борьбы и противоречий, в мертвую «страну фантазии». «Фантазия» в книге Ильина — это захватывающая наша действительность, это будущее, которое сегодня воплощается миллионы людей на упорную борьбу за освоение новых производств, за повышение урожайности социалистических полей, за победу над льдами Арктики.

«Мы будем звать или прекращать дожди, где и когда это нужно... земледельцы навсегда забудут о засухах и неурожаях. Исчезнут пустыни на юге, пустыня болота на севере... в Арктике льды начнут таять и отодвигаться на север... Сегодня это похоже на фантазию, завтра будет действительностью, потому что задачи, которые не по силам были капиталистам, вполне по силам социалистической стране!»

Есть еще в книге Ильина замечательный рассказ о том, как по всему миру разрабатывались советские ученые в поисках лучших сортов пшеницы и как потом рассылали собранные образцы пшеницы по областям и краям Советской страны. О работах Мичу-

рина, об интереснейших опытах Института растениеводства, о продолжении пшеницы на север, о том, как на «фабриках растений» создают совершенно новые образцы растений, обладающие именно теми свойствами, которые нам нужны, как для северных областей создаются сорта пшеницы, не боющиеся холода, а для юго-востока — не боющиеся жары и засухи, — обо всем этом удивительно интересно рассказывает Ильин.

У нас есть очень мало хороших книг о советской родине, мало книг, которые бы знакомили молодежь, — да и не только молодежь, — с огромными природными богатствами Советского союза, с отдельными районами, с различными участками той грандиозной стройки, что идет в нашей стране, с работами наших ученых и инженеров, разведчиков и исследователей. Книга Ильина надо рассмотреть как одну из первых в целой серии книг о советской родине, которые будут написаны. Ильин показывает молодым авторам и старым ученым популяризаторам, как такие книги надо делать, как надо работать над книгами, предназначенными для миллионов.

Художник слова, Ильин, кроме того, человек науки, инженер, а еще замечательное его качество, это умение честно, серьезно и много работать над своими книгами. Когда он пишет книгу, он работает как ученый, собирая и обрабатывая огромный исторический и естественно-научный материал. Он работает и как писатель; большой важности вопрос о читателе, о том, как лучше донести мысли, образы, содержание книги до ума и сердца читателя, как добиться того, чтобы книга воспитывала — эта педагогическая задача прекрасно разрешена Ильиным, и в его книге есть немало мест, которые могут служить образцом для педагогов и пропагандистов. В книгу Ильина вложено большое мастерство писателя, знания ученого и инженера, чуткое умение педагога и самое главное — книга эта проникнута непримиримой ненавистью к рабскому прошлому и горячей преданностью делу, за которое борется большевистская партия.

Как непохожи рассказы Ильина на те, что писали о природе, о технике даже наиболее талантливые ученые популяризаторы! На их книгах — печать бесстрастности и апологитичности, природу они отдают китайской стеной от человеческого общества, с его противоречиями и борьбой. Книга Ильина глубоко партийная, и в этой партийности, в борьбе за дело большевиков, в том, что его книга отражает напряженнейшую и полную уверенность борьбы за построение социалистического общества, — в этом основной источник силы Ильина.

Книгу Ильина с большим интересом читают и будут читать рабочие и колхозники, учащаяся молодежь и партийные работники, старики и молодые, советские граждане и наши зарубежные друзья. Роман Роман совершенно правильно отметил огромное пропагандистское значение этой книги.

И. ЛЕЙТЕНЗЕН

Большинство наших читателей знает о Хакасии только то, что это автономная область, образованная в 1930 г. в составе Западносибирского края. Книга Е. Филиппыча «Рождение „Мал-Хадари“, как видно из предисловия, ставит себе целью более подробно, с житейской очерковой формой, познакомить советского читателя с Хакассией, с огромной борьбой ее за новые формы жизни.

Книга Е. Филиппыча знакомит читателя со старым хакасским фольклором. Автор приводит в большом количестве сказания, легенды, даже авторы. Цифровые выкладки дают понятие о промышленном значении Хакассии, о ее природных богатствах, обнаруженных преимущественно после Октября. По главной цели, за которой написана книга, Филиппыч не достигает: сведения о героической борьбе социалистической Хакассии, даваемые либо в цифрах, либо в сухих справках реперторского порядка, настолько отрывочны и место их в общей композиции книги настолько скромно, что цельного впечатления о росте Хакассии никак не получается.

Главная причина отрывочности содержания книги заключается в том, что т. Филиппыч, как это видно из текста, не занимался изучением Хакассии или истории организации и развития хакасского колхоза «Мал-Хадари». Он проделал месячный отпуск, разбавляя по Хакассии в обществе псковских журналистов, поэтов и художников, кое-где ему и после «случайно бывать». В результате этого поверхностного и случайного знакомства с огромным материалом

Филиппыч «Рождение „Мал-Хадари“, Отд. Орг. Новосибирск.

„Обнаженная биография“

...Председателем нашей артели Я работаю третий год.

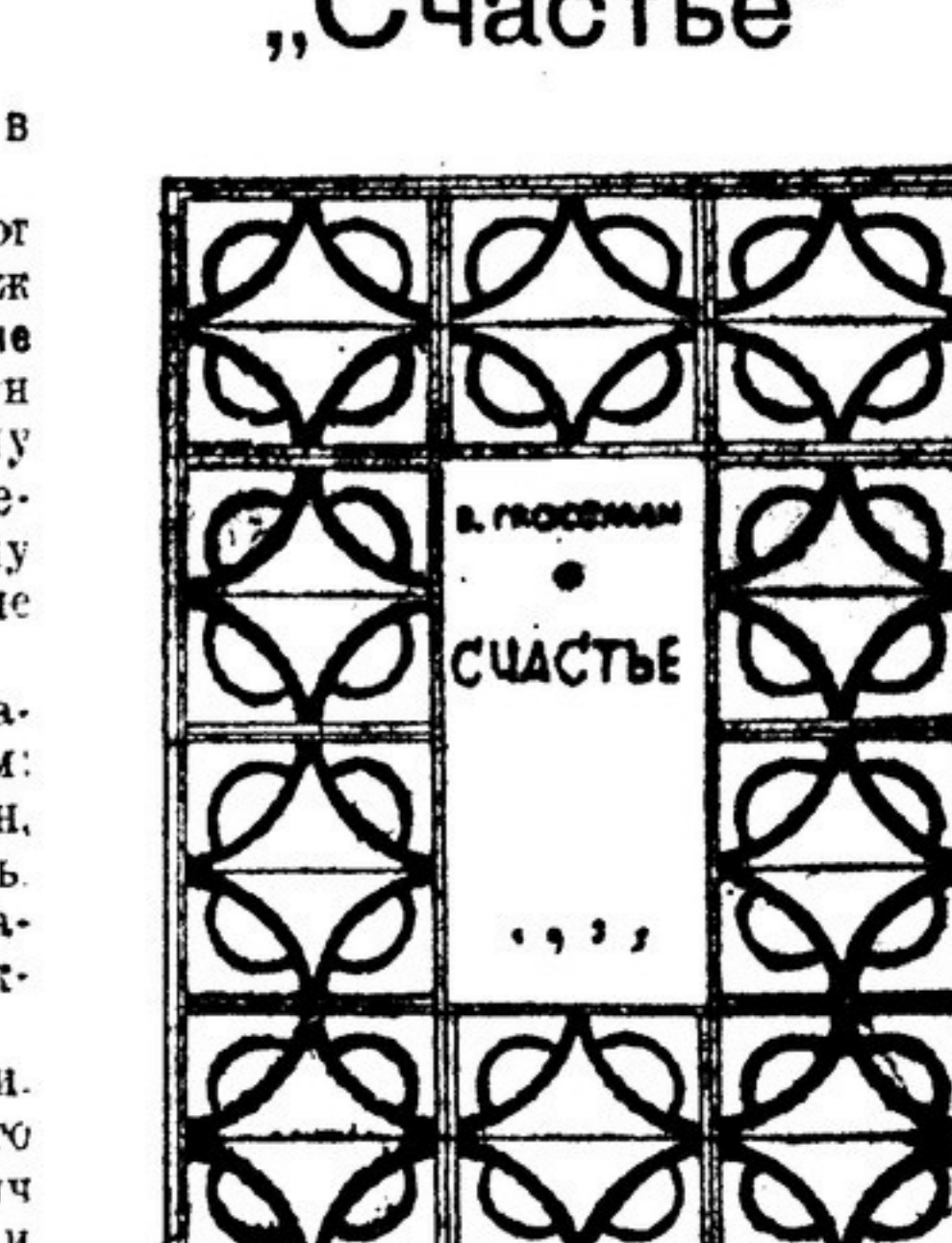
Эта сухая информация никак не может воплотить эмоциональную насыщенности первых строк, образ давлений — предельная колхоза схематична. Настоящее желание автора писать так, чтобы читатель ни о чем не приходило, подталкивает, приводит к обязательному комментарию каждого переживания героя, к логическому определению смысла на ображаемых ситуациях. Иногда Рыленков удается дать крепокую поэтическую формулировку своей мысли. Умная, например, концовка стихотворения «Обнаженная биография», где колхоз лаван воплощением мечты о крестьянском счастье. Но чаще поэт не справляется с навязанным ему самому себе обязательными комментариями.

«Обнаженная биография», обнажается один путь углубления и совершенствования творческой методологии Рыленкова: детальный, продуманный анализ всех этапов поэтической биографии избранного поэта-персонажа. Но это, конечно, только часть дела. Поэту нужно учиться передавать все краски живой действительности, ни в ком случае не превращаясь в сухого аналитика. Обогащение жанры художника — вот второй необходимый путь творческой учебы Рыленкова.

Верно схваченные детали, ясный реалистический рисунок, индивидуализация образа положительного героя выгодно отличают стихотворения «Бригадир» в ряду других произведений Рыленкова.

Рыленкову нужно всеерьезно заняться усовершенствованием и отшлифовкой своего поэтического оружия. Ритмический стихов Рыленкова крайне беден. Отдельные удачные строки, выходящие за пределы обычного размера делаются поэтом робко и неуверенно. Более внимательное отношение к художественному слову поможет Рыленкову развить безусловно имеющиеся у него задатки вдумчивого и наблюдательного поэта.

Ю. СЕВРУК.

Книга рассказов В. Гроссмана прежде всего наводит на размышления о пользе хронологии.

Полтора года назад этот, тогда никому не известный, автор впервые напечатал в «Литературной газете» два своих рассказа. Оба они были столь заманчивыми и крепко сделанными, что без всякого риска можно было признать В. Гроссмана не за молодого надежды новичка, а за уже сложившегося и талантливого писателя, который до своего литературного дебюта написал, вероятно, не одну десятину рассказов. Потом вышел его роман «Глухокуф», и В. Гроссман утвердился за собой эту репутацию.

И вот новая книга его рассказов. Если прочитать ее поспешно и не так, чем не задумывался, то общее от нее впечатление будет очень странное. Два три рассказа рассказов, столько же более или менее приемлемых, а остальные — ученические старательные, художественно робкие и наивные. Но уж если они написаны одним и тем же автором?

Со всем этим и дело, что автор — не совсем один и тот же.

В книгу своих новых рассказов В. Гроссман включил рассказы, которые когда-то он писал и не печатал, на которых он, по существу, учился писать и которые рядом с его действительно хорошими рассказами кажутся написанными совсем другим, не очень уверенным писателем-поэтом. Читательское представление о В. Гроссмане эта книга снижает; а будь ее рассказы точно датированы, она наглядно показала бы читателю, как постепенно росло и развивалось дарование В. Гроссмана.

Сейчас же можно оказать лишь предположительно, что такие, например, рассказы сборника, как «Лущур» или «На расвете», относятся вероятно к очень давним литературным опытам В. Гроссмана. Первоначальное время и древняя история заветы в них в такой поверхностно-конкретной трактовке обстоятельств времени и действия, какой отличаются обыкновенно «повести для юношества», а социальная и подчеркнутая идея этих рассказов укладывается в их форму всего лишь как в случайный флуид.

Но зато по-настоящему хороши те рассказы сборника, в которых угадываешь результаты длительных творческих поисков и требовательной работы над материалом. Таков рассказ «Товарищ Федор» — об умравшем от чужотки подпольщике — и особенно рассказы «В городе Вальтеме» и «Счастье», где есть прекрасное ощущение современности и где наиболее отчетливо проступают лучшие творческие черты В. Гроссмана: его умение лаконично и выразительно строить диалог, его сдержанный и тонкий юмор, его внутренняя лиричность выходящего социального напряжения.

Г. ДМИТРИЕВ.

Н. Рыленков, «Мои герои». Стихи. Стр. 63. Смоленск, 1935 г.

В. Гроссман, «Советский писатель», 1935 г.

М. Ильин, «Горы и люди».

Граюры Г. Ечевисова и «Греческим эпиграммал», выходящим в издательстве «Академия».

Новые издания старых поэтов

(Окончание)

У Лермонтова: О след так, своей матерью, Кабачек, засып меня окорей И прах бедный мой ушелью Без сожаления развеи.

«Нуда несется вы» было сочинено Одоеским в 1837 г. на пути из Сибири на Кавказ. «И Кабачек» относится ко времени возвращения Лермонтова из Тифлиса в Россию, уже после встречи с Одоеским. Последнее четверостишие было приписано Одоеским к автографу, имевшему у Ровена, уже осенью 1838 г. Но Одоеский оспаривал стихи, и не записывая, а дата записи мало что определяет.

По тому, что мы знаем о методах творчества Лермонтова, вероятно предполагать у него режиссерскую роль Одоеского, чем и поборот. Все это очень интересно, и об всем этом лет из слова в обширных примечаниях Кубасова.

Конечно, не этим столетом двух думствующих определяется роль Одоеского как предшественника Лермонтова, а всем характером его творчества, глубокого оригинального и антидушеского. Насколько Одоеский бывает оригинален, можно судить по «Стихам на переход из Четы в Петровский завод которман денобрис-тов».

Что за коточья черноты Срежь пшавыщих окней, — Идут под авторы молодцы За святую Русь неволи и казни Радость и слава. Весело житье За святую Русь.

Кубасов никак не объясняет своего чтения, и это выходит очень плохо напечатано. Смысл стихов не меняется от замены «ноз черн», но ипотоническое движение меняется резко.

Большая заслуга И. Кубасова, что он впервые (в 1922 г.) опубликовал эти удивительные стихи. Но почему же он говорит о «свидетельствовании XX фотом» и о «снопонности» стиха

(1-го 5-я строфа) «Спите, рабыня угрюмые? Это заставляет вспомнить такие знаменитые высказывания русских литературоведов, как слова Писаева о «крайней художественной слабости греческих» «Хиллионов на Чете» — самом «слабом» из всех стихов Бендигиона, поэтов о борьбе горцев за свою свободу.

Несмотря на огромный «обсуждающий» аппарат, почти выходящий за пределы поэмы Одоеского (его стихи занимают всего 136 страниц из 490), несмотря на то, что мы впервые имеем полное собрание его стихов, — допущенное собрание первостепенной важности, недостатки «подчас» также, что и это издание вряд ли много сделает для утверждения Одоеского в общем мнении как интереснейшего и оригинальнейшего поэта.

Другие статьи Благого написаны, наоборот, с подвохом, и, хотя прямых мотивированных оценок Благого не хватает, представление о представляемых им поэтах он дает. Многие в статьях Благого спорно. Очень спорно наставляются на органическое творчество в самом характере его творчества, глубоко оригинального и антидушеского. Насколько Одоеский бывает оригинален, можно судить по «Стихам на переход из Четы в Петровский завод которман денобрис-тов».

Что за коточья черноты Срежь пшавыщих окней, — Идут под авторы молодцы За святую Русь неволи и казни Радость и слава. Весело житье За святую Русь.

Кубасов никак не объясняет своего чтения, и это выходит очень плохо напечатано. Смысл стихов не меняется от замены «ноз черн», но ипотоническое движение меняется резко.

Большая заслуга И. Кубасова, что он впервые (в 1922 г.) опубликовал эти удивительные стихи. Но почему же он говорит о «свидетельствовании XX фотом» и о «снопонности» стиха

том Шопенгауэра. Все это материал для плодотворной дискуссии.

Надо приветствовать стремление Благого показать Шеллига (разумеется, раннего Шеллига) как отнюдь не прогрессивное явление. Это стремление особенно характерно в статье о Бендигионе, где дана подробная оценка русского индустриальщика. К сожалению, та же статья страдает недостатком, общим многим из наших литературоведов, — стремлением превратить лезвие и репутацию любимых писателей. Что Бендигион был в общем и целом прогрессивной силой и одним из предшественников Бендигиона, что он был много ближе к декабристам, чем к Бенкендорфу, — не подлежит сомнению. Все же при оценке его как идеолога важна не его большая или меньшая близость к политическому движению декабристов, а просветительский (очень умеренно-просветительский) характер его идеологии. Благой тем более ослабил свою позицию, что он строит свою догадку на стихотворении «Видения» (Примечание к поэме, метель), принадлежность которого Бендигиону более чем сомнительна.

Во все статьи написаны довольно давно (три из них вошли в книгу Благого «Три века») и представляют собой этап в работе Благого. За это время вместе с общим ростом советского литературоведения на почве все более углубленного и творческого освоения наследства классики и марксистско-ленинскими и растущего понимания задач нового этапа культурной революции вырос и Благой, и мы с уверенностью ждем от него работ, в которых его бездельно растащиваемые предположения и в которых более глубоко разрабатываются лучшие качества — дух, любовь к правде и широкая знакомость не с одной русской литературой, но и с поэзией Запада и с материальными течениями европейской поэзии XVIII—XIX вв.

Впрочем, безусловно отвлечь внимание от Бендигиона и решительно утверждать, что они могли быть написаны только в 30-х годах, и не вижу оснований. Наоборот, в них явно есть черты, характерные именно для пушкинской эпохи: хотя бы употребленные слова «сто-

Остаются Полежаев (редактор Баранов) и Языков (редактор Азадовский). Подробно останавливаться на них и не буду, отмечу только, что в обоих случаях мы имеем впервые полные собрания этих двух очень крупных поэтов, из которых первый особенно пострадал от цензуры, а второй, став с годами ханкой и мракобесом, пострадал освободиться от полубогающих стихов своей полудекабристской молодежи. Эти стихи — главная новинка, в советском издании Языкова. Но Языков и помимо этого очень крупный поэт, которого особенно любил Гоголь и под знаком которого начиналась поэтическая деятельность Пастернака и Ахматов. Вульгарная статья Азадовского, в которой он показывает закономерность пути Языкова от полунационализма к правому сластолюбивству, — очень интересна, но страдает все тем же недостатком — в ней ли слова о поэзии.

В результате работы «Библиотечки поэта» и «Академии» советский читатель имеет уже довольно большой фундамент актуальных русских поэтов XVIII—XIX вв. Мы можем полнее постигнуть и образцы то, что еще остается сделать. На сегодняшний день наиболее хорошо представлены XVIII в. и пушкинская эпоха. На двадцати вышедших томах (считая Тютчева как поэт падает на XVIII в. и в самом начале XIX в., охватывая — на период от Ватюшкина до Тютчева и только три — на середнюю и вторую половину XIX в. Все же и по первым двум периодам работу нельзя считать законченной даже в основном. По XVIII в. первая охватывающая задача — дать поэзию Радичева, а затем и Митяева. В первую очередь необходимо издать, по крайней мере, два главных современника Пушкина — Жуковского и Баратынского. Баратынский, кажется, уже подготовлен для «Библиотечки поэта», но когда выйдет — неизвестно. Но надо сугубо подчеркнуть необходимость полного собрания Жуковского. Неучетно издания Жуковского не было и до революции, после же революции его вовсе не издавали (кроме переиздания в 1914 г. Наркомпросом издания 1902 г.). У нас распространено вульгарно-упрощенное отношение к Жуковскому как только реакционному романтику. Гораздо правдивее наших литературоведов подходить к

Жуковскому Бендаский, различавший в нем две стороны: реакционную («средневековую») и прогрессивную («новую»). Это был, во всяком случае, крупнейший мастер русского эпика, в некоторых отношениях сопоставимый с Пушкиным, который писал о нем: «Он не счастлив, а точно ученой его... Никто не имел и не будет иметь слого, равного в музее и разнообразии слого его». Его влияние на Полежаева и Лермонтова было очень значительным. Он дал русскому читателю Шиллера и Байрона: «Шилловский ушник» — единственный достойный русский перевод Байрона. Надо приветствовать выход «Одиссеи» в его переводе (Госиздат), по Жуковский нужен поэтическому читателю весь, и чем скорее, тем лучше.

Другая охватывающая задача, — это дать, наконец, Катенина, огромное значение которого в истории русской поэзии особенно благодарит Ю. Тынянову, по которому, несмотря на это, вот уже три года как не переводился. Дальше, нужен Коштычев, ставший благодаря тому же Тынянову близким знакомым нашего читателя, но до сих пор неизвестный как поэт никому, кроме исследователей. Наконец, нужны и другие декабристы, прежде всего — В. Равский, непосредственный предшественник Рыленова, и совершенно с другой точки зрения. Бегущим, вместе с Одоеским и Полежаевым главным предшественником Лермонтова.

С поэтотворческим периодом дело обстоит значительно хуже. Пока мы имеем новые издания только поэтов «Искры» и Митяева. В первую очередь необходим Огарев, который, к позору советских издателей, до сих пор существует только в подлинном издании Гриншона, вышедшем еще в 1904 г. (Издание «Омола» Академии», конечно, ни в малейшей мере не облегчает положение.

Из поэтов «серебряного века» русский поэт, дворяно-буржуазных современников Некрасова, мы не имеем ни одного. В ближайшее время в «Библиотечке поэта» должен выйти Пушкинский — буржуазно-дворянский поэт послереволюционного периода, под покровом европейского значения, как типичнейший выразитель реакционного отставания и в то же

время оригинальнейший мастер, во многом превзойдя Верлена. Но нужны нам не только Фет, но и Алексеев Толстой и Майков. Эти поэты, еще до лет назад казавшиеся впрямую близкими Пушкину и Лермонтову, конечно, большой актуальности не представляют (за исключением сатирических стихов А. Толстого и, пожалуй, некоторых его баллад, вроде «Борисов», в которой есть черты, конкретные унаследованные советской объективной поэзией), но для понимания истории русской поэзии они, вместе с Подоскин, представляют первостепенный интерес. Поданные по-новому и по-новому освещенные, они во многих отношениях будут полезны нашей литературной молодежи.

Другой большой пробел — Судачевский, поэт зачатками гениальности своеобразно соединивший между широкими поэтическими общностями с реакционно-чуждыми мироощущением и своеобразный реализм — с определенными чертами декадентства.

Далеко не все сделано и в области революционно-демократической поэзии. Здесь, конечно, нельзя будет дать собраний сочинений, так как каждый из революционно-демократических поэтов написал немного. Но необходимо хорошо и богато издать Пушкина, Лермонтова и Тютчева, а также и Пушкина, который писал о нем: «Он не счастлив, а точно ученой его... Никто не имел и не будет иметь слого, равного в музее и разнообразии слого его». Его влияние на Полежаева и Лермонтова было очень значительным. Он дал русскому читателю Шиллера и Байрона: «Шилловский ушник» — единственный достойный русский перевод Байрона. Надо приветствовать выход «Одиссеи» в его переводе (Госиздат), по Жуковский нужен поэтическому читателю весь, и чем скорее, тем лучше.

Другая охватывающая задача, — это дать, наконец, Катенина, огромное значение которого в истории русской поэзии особенно благодарит Ю. Тынянову, по которому, несмотря на это, вот уже три года как не переводился. Дальше, нужен Коштычев, ставший благодаря тому же Тынянову близким знакомым нашего читателя, но до сих пор неизвестный как поэт никому, кроме исследователей. Наконец, нужны и другие декабристы, прежде всего — В. Равский, непосредственный предшественник Рыленова, и совершенно с другой точки зрения. Бегущим, вместе с Одоеским и Полежаевым главным предшественником Лермонтова.

С поэтотворческим периодом дело обстоит значительно хуже. Пока мы имеем новые издания только поэтов «Искры» и Митяева. В первую очередь необходим Огарев, который, к позору советских издателей, до сих пор существует только в подлинном издании Гриншона, вышедшем еще в 1904 г. (Издание «Омола» Академии», конечно, ни в малейшей мере не облегчает положение.

Из поэтов «серебряного века» русский поэт, дворяно-буржуазных современников Некрасова, мы не имеем ни одного. В ближайшее время в «Библиотечке поэта» должен выйти Пушкинский — буржуазно-дворянский поэт послереволюционного периода, под покровом европейского значения, как типичнейший выразитель реакционного отставания и в то же

отсутствии исторической перспективности, наследие того Брюсов-символист начала 90-х годов оказывается прическом к поднебесью Брюсову. Это — не только недостаток, но и полное (или почти полное) переиздание первых книг Брюсова до «Венка» включительно, как центрального документа русского символизма в его восточной стадии, более чем что-либо другое, наложившее свой печать на русскую поэзию начала XX в. Дальше нужно дать в руки советскому читателю в правильном критическом освещении двух крупнейших после Блока поэтов русского символизма — Коштычева и Алленского и избранные стихи виднейших новаторов и учителей символизма — Балмонта, Вяч. Иванова и особенно Андрея Белого.

Советская поэзия выросла в значительной степени в борьбе с традиционной символизмом и в этой борьбе усвоила немало средств из арсенала символизма. Поэзия символистов должна восприниматься и осваиваться поэтами не как мертвое и полуконсервативное, а в полном свете марксистско-ленинского исторического понимания. Это, конечно, требует еще большой подготовительной работы, так как в отношении к дореволюционной буржуазной поэзии у нас есть очень много вульгарнейшего упрощения, и просто антиисторической путаницы (вроде трактовки Блока как дореволюционного поэта). Было бы очень желательно, чтобы в работе новой критической оценки символистов приняли участие советские поэты, особенно такие теоретически грамотные, как Саянов, так как критика стихов часто пишется о поэзии как о чуждом деле, в котором они совершенно равнодушны, и где их истинная задача — раздать политические характеристики. Этого недостатка, например, в значительной мере избегает статья Семигаловой о символизме и акмеизме, помещенной в «Литературной учебе» за 1934 г.

И еще раз повторю: пусть каждый из нас, занимающихся прошлым русской поэзии, хорошенько заломит указание А. М. Горького в статье о «Библиотечке поэта» и подхватит в поэзии как в поэзии и с точки зрения нужды советской поэзии

В ЗАЩИТУ КИНООПЕРАТОРА

„СЧАСТЛИВАЯ ЮНОСТЬ“

Если не здесь, то где же, если не сейчас, то когда же будет произнесено это слово?

Вина его велика, он омрачает нам лучшие минуты жизни, и избавиться от него невозможно. Он ведающий, он присутствует при любых событиях, на всех праздниках и торжествах. Он в Красной площади, он в Колонном зале, во если вы обжете от него на аэродром, то он там же и там. В момент наиболее патетический, когда забывает про все на свете, кроме того самого главного, что свершается сейчас, он светится радом, устанавливая свой треножник. Когда глаза приоткрыты от восхищения и восторга, просторнее всего вторгается в поле зрения, и это тело — семочный аппарат. Он загораживает, он мешает и вот самое интересное не удается увидеть. Когда аппарат, наконец, установлен в некоей точке, выходящей относительно наименьшее количество нареканий со стороны зрителей, выясняется, что прожектор светит оратора и он отказывается продолжать. Операторы толкают, ему говорят обидные слова, а он крутит и крутит ручку своего аппарата. Ах, как мешает нам кинооператор.

Но, товарищи, что же делать? Все хотят увидеть героические события, замечательные празднества, полные победного ликования торжества. Их видят, в них участвуют гигантские массы: тысячи, десятки тысяч, миллионы людей. Но в нашей стране десятки и сотни миллионов и они хотят увидеть, имеют право увидеть это. Наблюдая кинооператора со своим аппаратом на трех ногах пытаются увидеть все, что делается в нашей стране, всей стране, всему миру, и последняя полнометражная хроникальный фильм — еще одно блестящее доказательство этого.

Думалось так. Материал интересен, но ведь однообразен в сущности. Ищут краски, солютуют в бесконечную цепь прохождения перенги. Это хорошо латинищать, двадцать минут, но два часа? Нет, не сможет передать экран все молодое горение, торжественный воздух того необычайного дня.

Какое прекрасное разочарование! Не так просто подыскать десяток кадров, которые бы так охватывали, как смотрит этот, так сказать, Эммануил. Эммануилское волею его перомкиго ступает самому артефакту парад и вряд ли можно было бы изобрести аттестацию, характеризующую его лучше. Да, он сумел передать все молодое горение, торжественный воздух того необычайного дня. Пусть исчезли краски, приближилось нине, едва ли менее важное: полнота восприятия. На самом парад, как бы жалко не показывали глазами происходящее, вряд ли смогли бы мы увидеть все. Что же совершалось в стороне, два важных эпизода происходили одновременно. Но аппарат, ведающий аппарат смог увидеть и передать все, или, во всяком случае, все основное. Тут следовало зорко видеть — и во всех стадиях производства фильма — уметь

выбирать. Авторы фильма заслуженные деятели искусств г. Мушфик, т.т. Посельский, Гуров, Ситкина и др. нашли в себе нужные качества.

Полны трибуны Красной площади, выстроились ряды физкультурников по ее краям, но самая площадь огромнее ее пространства, пусто еще. Площадь застыла в ожидании. И вот аппарат переносит нас в Кремль, где тесная группа людей шагает навстречу ожидающему зрителю. Облик каждого знаком миллионам, и бесконечно знаком каждому любим миллионами облик того, кто играет в самом центре силовитной людской группы. Какая буря приветственных восторгов захлещает, когда выходит он на трибуну мавзолея.

После рапорта, после обеда принимающих парад т.т. Манцева, Косарева и Шверника, после короткой речи т. Манцева начинается самый парад. Идут и идут бесконечные ряды цветущих, радостных, молодых. Истинная счастливая юность страны проходит через площадь. Сколько изобретательности в оформлении колонн! Стройная девушка в зубчатом колесе — живой значок ГТО. Гигантская боевая перчатка, плывущая в воздухе, и вышка в брезенте и даже переносной корт, на котором переоборудован мячом, теннисисты. Цвета, море цветов. Знамена, ордена, ордена. Буквы на них горят, то там, то здесь бы скажут, проходила мимо мавзолея, каждый участник парада, что и говорит в сущности, весь парад: спасибо Сталину за счастливую жизнь.

Мы видим ряды то вблизи, и тогда различаем загар, мускулы, белозубую улыбку, то с высоты птичьего, а чтобы сказать точно — аэропланного полета и тогда оцениваем парадничную стройность рядов, мощь

их шага. Площадь предстает нам пространством, на котором передвигаются на удивление точные геометрические фигуры. Аппарат запечатлел множество мгновений сцен, мимолетных черт, которые едва ли успели бы заметить мы, если бы видели все это в натуре. Вот Сталин улетает смущенную девочку, преподнесшую ему цветы от всей детвора столицы. Каганович оживает, машет рукой, когда вступают на площадь физкультурники — железнодорожники. Когда же вылетают ланчально бойцы, твердеет лицо, загорается глаза у Ворошилова. Визовононо приводит рукой по лицу — такой привычкой, такой характерный жест — Горький. Бесконечно серьезно всматривается в проходящих Ромлян, как бы оценивая их значение для истории мира.

Потом физкультурники демонстрируют сложнейшие номера. Какие живые узоры образуют они на площади! Какие удивительные упражнения продолжают они, в которых сила и грация приведены в равновесие славя ли не идеальны. Но вот есть претензия к авторам картин. Хотелось посмотреть, увидеть подробности, может быть иру мускулов, лица, но нет — общие планы, аппарат не задерживается ни на чем, он спешит, чтобы успеть показать все. Таким свойством грешат в известной мере и предыдущие эпизоды фильма, но здесь оно сказывается наиболее ясно. Следовательно, выбирать надо было еще строже. Если сюда привнести еще несколько однообразное озвучивание, то будут истернаны недостатки, не слышим орудимые, впрочем, в этом замечательном фильме.

Какой поларок советского зрителя — возможность пережить еще раз этот радостный день.

А. КАМЕНЕГОРСКИЙ

Вот дружба московских рабочих, исподняя русскую хордовую пляску. Только в парад, следовало бы в Лондон, участники этого танца впервые встретились и познакомились; здесь же на парадке, остоимости и первые репетиции, была проведена В. В. Кригер, первая «монтировка» работ — и, тем не менее, какие блестящие результаты! Вымечтание танца, что мы имеем дело с группой людей, работающих партнеров — так поразительное единство исполнения, строгость рисунка. Особенности овладения выходящих на долю Шарниова, исполняющего «Яблочко». Тут не только виртуозная техника, но и подлинно актерское дарование: мягкий юмор, выразительная мимика, лукавый взгляд.

От всей этой группы неотделимы, конечно, и Ности Голыков, умеющий выхватывать такие сочные звуки из своего баяна. Голыков, являющийся, по словам т. Боярского, в дни фестиваля «заметной фигурой в Англии».

И немедленно за русской пляской — совершенно иной колорит движения и звуков, своеобразных танков и поворотов. Это Тамара Ханум исполняет узбекские народные танцы. Редко приходится наблюдать такое чувство меры, такую прозрачность ритмического рисунка, такое проникновение в стихию народного творчества. Движения Тамарины Ханум — это тончайшая вязь, создаваемая у нас на глазах искуснейшей мастерицы. Замечательнейшей особенностью Тамары Ханум является ее глубоко поэтическое ощущение труда, производственных процессов. Это поймет всякий, кто увидит в ее исполнении «танец шелкопряток».

Аккомпанатор Тамары Ханум 63-летняя Усте-Алим, виртуозно владеющая на своем бубна вихри стандартных ритмов.

Кадр из фильма «Счастливая юность».

я тот, кто убежден. Познавший жизни внос и цвет, и запах, и налив, в своих чудесных мастерских ее раздвигай неба потолок и покрывший льды, на самой мерзлой из широт оставивший следы; замешав в формулы полет арктических ветров, с упорством отом расщепил и просверлил метро, — я полон творческих идей: больших идей и дел. Но — заполняя дни трудом и веселым сердцем, согласовать люблю я труд с умением созерцать; схватывши весь небесный свод в ненастный глаз, люблю, чтоб от звезды к звезде фантазия неслась; равняя звезды по земле, а землю по себе, себя по классу и еще по классовой судьбе, я тот кому весь мир открыт, кому звезда горит, взвонившая зеленую лугов, левую пестиком. Весенним паром над землей и солнцем над песком; любя зимою рылный снег, а в осень листопад, умея каждый новый день по-разному ступать, — я тот, кто чувством дал простор и пленял расторг.

Жизнь препломая, точно цвет, горя и смеясь, — ведь невозможно путь пройти в лице не изменишь; но помня общий интерес и помня о борьбе, я никогда не отступлюсь, не изменю себе; беря барьеры на пути, которых ваять нельзя, затем что нету красноты, которых бы не знал, — я тот, кто все берет барьерой, ведет в этой бой.

Вступил ребенком в эту жизнь, и до последних лет я полный пригоршней возмужею тепло и цвет; когда же подойдет момент и не отпустит смерть, в своих созданных и делах я ей скажу: не сместь!

Да разве может умереть, и разве смерть волна, над тем, кто эту жизнь родит и кем цветет она! — я тот, кто перестроит мир, и кем сильна страна.

Перевел с тюркского П. НЕЗНАМОВ.

ИСКУССТВО ПРОПАГАНДИРУЕТ

НА ВЫСТУПЛЕНИИ СОВЕТСКИХ УЧАСТНИКОВ ЛОНДОНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

«Советская пропаганда приняла весьма изящную и очень приятную форму».

Так писала консервативная газета «Дейли Телеграф» на следующий день после первого выступления советской делегации на лондонском фестивале. Автор рецензии, вероятно, и сам не подозревал, какая значительная доля правды содержится в его изумленном и галантном определении.

Да, молодые советские танцоры выполняли в Лондоне в какой-то мере и пропагандистские функции. Они уже самым составом и удивительной слаженностью своей группы являлись конкретным выражением того интернационализма, который лежит в основе всей нашей жизни, всех наших отношений; они показали многочисленные лондонским зрителям действительное положение советского искусства, они свидетельствовали об исключительной бережливости и внимательном отношении у нас к народному творчеству; они, наконец, заставили многих подумать о том, как счастлива молодость в СССР, как радостно живет людям в стране, не опавшей буржуазии и поповщины.

Это ли не пропаганда?

На отчетном вечере в театре Революции (7 августа) т. Я. Боярский рассказывал о том, какая бурная реакция зрительного зала неизменно сопровождала выступления советских танцоров на фестивале. Чуждые люди и джентльмены, забыв о всяких советских условностях, «культурно-демократическим» образом выражали свои восторги: толпились ногами, прыгали до дыр, хлопали, выхватывали на бис «А!».

То же повторилось и в театре Революции, когда после вступительного слова зам. пред. ВОКС Л. Чернышова и отчета т. Боярского слово взяли сами участники фестиваля. Со всей яркостью и отчетливостью перед на-

7 августа в Московском театре Революции советские участники международного фестиваля национальных танцев отчитывались перед московским партийным активом на концерт-отчете, организованном Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. НА СНИМКЕ: Илько Сукишвили, солист грузинской группы танцоров.

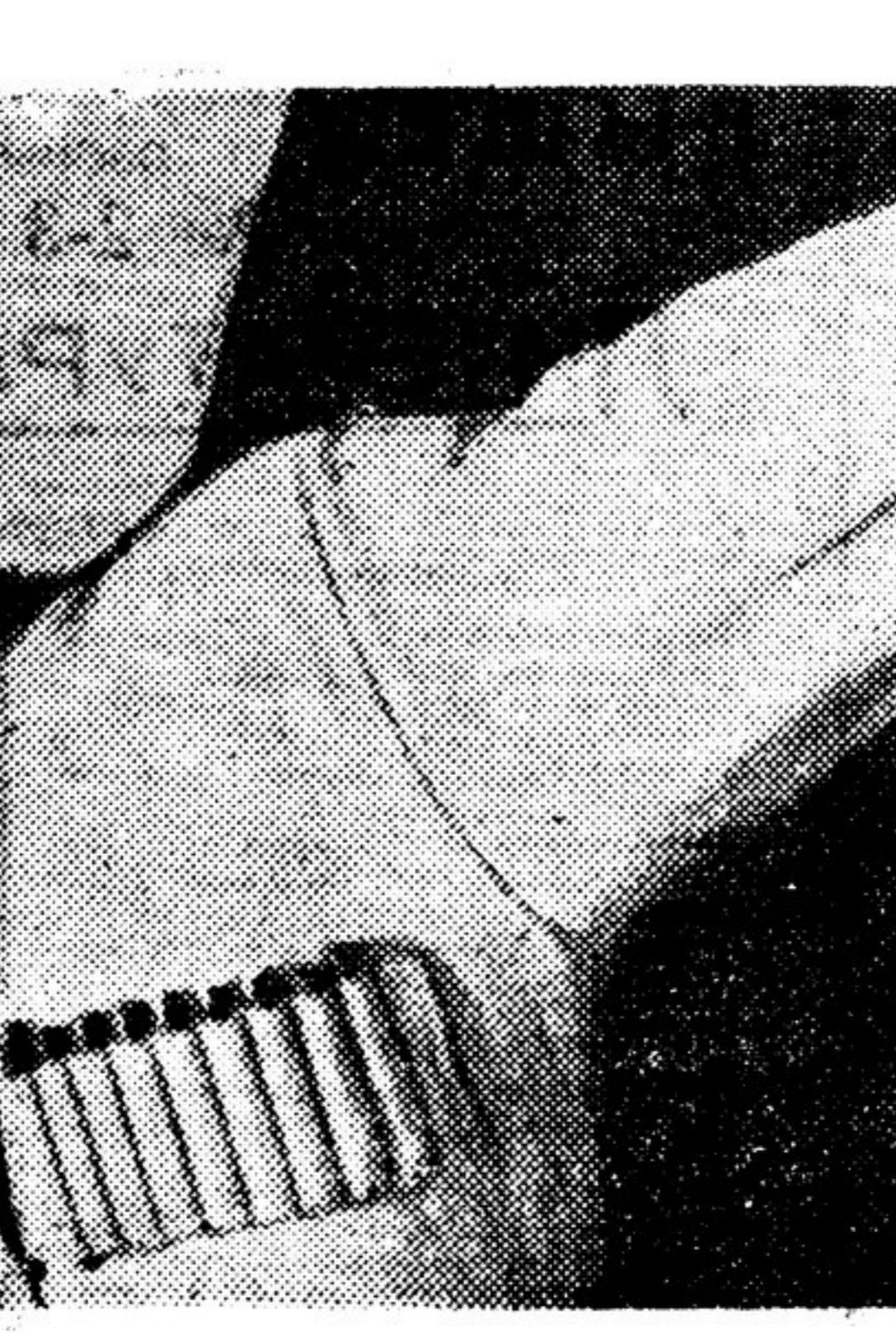
ми воскрес весь «график» выступлений наших танцоров в Лондоне.

Вот дружба московских рабочих, исподняя русскую хордовую пляску. Только в парад, следовало бы в Лондон, участники этого танца впервые встретились и познакомились; здесь же на парадке, остоимости и первые репетиции, была проведена В. В. Кригер, первая «монтировка» работ — и, тем не менее, какие блестящие результаты! Вымечтание танца, что мы имеем дело с группой людей, работающих партнеров — так поразительное единство исполнения, строгость рисунка. Особенности овладения выходящих на долю Шарниова, исполняющего «Яблочко». Тут не только виртуозная техника, но и подлинно актерское дарование: мягкий юмор, выразительная мимика, лукавый взгляд.

От всей этой группы неотделимы, конечно, и Ности Голыков, умеющий выхватывать такие сочные звуки из своего баяна. Голыков, являющийся, по словам т. Боярского, в дни фестиваля «заметной фигурой в Англии».

И немедленно за русской пляской — совершенно иной колорит движения и звуков, своеобразных танков и поворотов. Это Тамара Ханум исполняет узбекские народные танцы. Редко приходится наблюдать такое чувство меры, такую прозрачность ритмического рисунка, такое проникновение в стихию народного творчества. Движения Тамарины Ханум — это тончайшая вязь, создаваемая у нас на глазах искуснейшей мастерицы. Замечательнейшей особенностью Тамары Ханум является ее глубоко поэтическое ощущение труда, производственных процессов. Это поймет всякий, кто увидит в ее исполнении «танец шелкопряток».

Аккомпанатор Тамары Ханум 63-летняя Усте-Алим, виртуозно владеющая на своем бубна вихри стандартных ритмов.

7 августа в Московском театре Революции советские участники международного фестиваля национальных танцев отчитывались перед московским партийным активом на концерт-отчете, организованном Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. НА СНИМКЕ: Илько Сукишвили, солист грузинской группы танцоров.

Вся программа танцев построена мастерами: каждый следующий номер — это новый подъем, новая ступень наката. Пять грузинских народных танцев, последовавших за узбекскими, прошли под непрекращающийся протот анимационный: исполнители буквально ошеломляли своей яркостью, легкостью и темпераментом.

И наконец, апофеоз: украинский гопака, который, по мнению английской печати, явился едва ли не самым выдающимся событием на фестивале.

Это было поистине достойное завершение программы. Быть может, отвлечемся, чем во всех других номерах вылилось в исполнении украинской группы изумительное свойство советской страны — сообщать необычайную новизну всему, что мы используем из сокровищницы прошлого. Вспомните, какую лирику давали дивные остроты всякого рода зубоскалов и мещан от искусства лав в дореволюционное время гопаки, который для наших умников всегда ассоциировался лишь с «горлянок».

И вот революция вернула этому чудесному народному танцу утраченное им содержание: замечательный юмор, бурную веселость, умопомрачительную страстность. Весь артистический зал был вовлечен в этот феерический пируэт, прыжок и туров. Моменты казались, что танец уже пошел, что через минуту — финал, точка. И вдруг — новый взрыв фееричности, новые потоки огня, неистощимого веселья и, как заключительный аккорд, живая «скачунья», врывающаяся в боковую, все увеличивающаяся, почти ослепительная быстротой.

Да, искусство является одной из прекраснейших форм советской пропаганды.

7 августа в Московском театре Революции советские участники международного фестиваля национальных танцев отчитывались перед московским партийным активом на концерт-отчете, организованном Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. НА СНИМКЕ: Илько Сукишвили, солист грузинской группы танцоров.

М. Мушфик

Человек века

Как будто грянула гроза, и молния заглянула — победивший икс; он входит множеством людей, и я — один из тех, кому открылись все пути, кому — ходить везде!

Румянцем утром, раньше всех и с мужеством в ладу, идущий руки приложить к работе и труду, — я тот, кто будущему друг, глядящим дням родня.

Не с тем, чтоб жизнь, как мед, испить, а переделать жизнь, её пришел я расцветить, снять ржавчину и слезы;

Взметнув в разбуженной стране, не знаящей рабов, живой поток ее героизма и темп ее работ;

Связав одним тугим узлом энтузиазм ребят со взрослой доблестью труда артеф и бригад, — я перестраиваю мир, а не рекордом горд.

Уплечь умею на врага уставших за собой, вдохнув железо в их ряды и снова дунув в бой; пришедший слабому помочь, разбитых подтянуть, и, споев книгу, рассказать, переписать их путь;

Зажегши тысячи надежд, вернувший блеск глазам, подсылав стэлы в палатки, дав силу голосам — я волею множество порожден.

я тот, кто убежден. Познавший жизни внос и цвет, и запах, и налив, в своих чудесных мастерских ее раздвигай неба потолок и покрывший льды, на самой мерзлой из широт оставивший следы; замешав в формулы полет арктических ветров, с упорством отом расщепил и просверлил метро, — я полон творческих идей: больших идей и дел. Но — заполняя дни трудом и веселым сердцем, согласовать люблю я труд с умением созерцать; схватывши весь небесный свод в ненастный глаз, люблю, чтоб от звезды к звезде фантазия неслась; равняя звезды по земле, а землю по себе, себя по классу и еще по классовой судьбе, я тот кому весь мир открыт, кому звезда горит, взвонившая зеленую лугов, левую пестиком. Весенним паром над землей и солнцем над песком; любя зимою рылный снег, а в осень листопад, умея каждый новый день по-разному ступать, — я тот, кто чувством дал простор и пленял расторг.

Жизнь препломая, точно цвет, горя и смеясь, — ведь невозможно путь пройти в лице не изменишь; но помня общий интерес и помня о борьбе, я никогда не отступлюсь, не изменю себе; беря барьеры на пути, которых ваять нельзя, затем что нету красноты, которых бы не знал, — я тот, кто все берет барьерой, ведет в этой бой.

Вступил ребенком в эту жизнь, и до последних лет я полный пригоршней возмужею тепло и цвет; когда же подойдет момент и не отпустит смерть, в своих созданных и делах я ей скажу: не сместь!

Да разве может умереть, и разве смерть волна, над тем, кто эту жизнь родит и кем цветет она! — я тот, кто перестроит мир, и кем сильна страна.

Раньше чем приступить к работе над сюжетом, я стараюсь во возможности поближе познакомиться с персонажами, которым предстоит населять описываемый мною участок мира. В данном случае речь идет о разноречах со мной — вымышленном конечно, разговорах — жителей законного местечка Старое Дудино. Часть из них так и не попала в сценарий и картину. Но польза от разговоров осталась, потому что они содействовали созданию той атмосферы, без знания и ощущения которой не может быть правды в творчестве художника.

Об очень насуном для местечка мне рассказывал один старик... — Чем занимается у нас в местечке Старое Дудино? На этот вопрос так же трудно ответить, как трудно знать, что будет у нас завтра на обед.

Может быть ничего не будет, — каждый есть, что Бог пошлет, и занятость, чем Бог пошлет. Нужно сказать, что он уже давно ничего не посылает.

Есть ли в Старом Дудине специалисты? Есть. Они — доктор, он же зубной врач, он же акушерка для болящих. Качор в синягове, который замечательно поет и лечит парывы вареным луком с коровьим поместом. Сапожники Тувим и Нохам. Тувим — старый и глухой, а Нохам — молодой и очень хорошо слышит. Так он слышал, что в советской Белоруссии есть еврейские колхозы, где нашим братьям хорошо. Качор — он уехал туда. Скажем просто — он убежал туда.

Остается еще несколько чиновников и политбюрошников, но они же не специалисты. Они могут «делать», но «сделать» они не могут.

Похоронная братия у нас добровольная, так что они тоже не специалисты...

Так вы же спросите — чем занимаются люди, с чего они живут? С чего они живут — я не знаю и они не знают. Чем они стараются заниматься — я вам скажу.

Ну... в молодости я хотел быть часовым-мастером. Это не вышло, потому что учиться было не у кого, и часов ни у кого нет.

Итак в позапрошлом году я работал у лане Новика, когда заболел один из его приказчиков. Пале Новик заплатил мне спичками. Я начал продавать спички. Но только спички продавать очень трудно, потому что многие спрашивают табак и бумагу. Я разделил мой лоток пополам. Справа лежали спички, слева — табак и бумага, которые я купил в кредит у пале Новика. И вот я ходил, ходил. Знаете, хотя лоток маленький, но он весит пуд.

Я не знаю, почему это так получилось, но к рожденью! я был должен пале Новика больше, чем стоил весь мой товар. Тогда я должен был до русского рождества работать у Новика за долг.

Потом я пошел от Новика реинки для кабулков... Нет, не на моих бытиках. В лотке, это называется «свободный агент».

На этой работе я потерял от мажорковия Ханеле — мою дочь, чтобы ей хорошо было на том свете, молясь за нас.

Реинки же шли. Тогда, уже зимой, мы с женой пошли в прорубь рыбу и носили на базар. От этого у меня были красивые руки. А у моей старухи, как холода, руки пухнут, и кожа лопается.

После работы я стал свободный агент по продажам. А теперь я думаю, чем бы заняться, чтобы заработать.

Голод, спички, табак, бумага, реинки, молитвенники, дрожжи, свечи, рыба, женские фотографии для мажорков — можете выбрать одно из этих занятий, или совсем никакое, и это, наверно, будет занятие каждого из нас. Мы все — яны былые «свободные агенты» или будущие.

Потому реб Пале Новик — наш царь.

У реб Пале в магазине, на складе, на подрылах работает только христиане. Реб Пале говорит, что это стоит дороже, но иначе ему жизни не будет от начальства. Когда-то, когда был жив рабб Солонейчик, — а он был знаменитым на весь мир, — к нам в Старое Дудино приезжало много народа.

У каждого в квартире были одна-

Истори велели. Тенью Они прошли... И — в добрый путь! Иди вперед, моя страна, Онтларьским светом зажжена. То — Сталина железный век.

В грядущее направили бег. Так говорил один татарский Собрат мой. В детстве в медресе Он пел стихи Корана, царство Второе вида, как и все, На небесах, средь райских гурий... Но гулко прогмели бури, И революция согнала Мечтания пживые дотла, Прогнав навеки небылицы, Открыла новую страницу, И зацели тогда станицы, Аулы, села, кишлаки.

Шаги трудящихся легки. И радостью звенящий труд Теперь пропалит не зовут. Моей стране — самнадцать лет.

То знают: астроном, поэт, Деханин, пионер, рабочий, Амбал, на мир взметнувший очи. На этот обновленный мир, Тех зазывающий на мир, Кто рубит, пашет, севт, жнет, Кто вник в закон песков, неслот, Кто сердцем с домною бурлит, Кто у руля страны стоит.

Поэма Александра Чачикова «Фирдауси» является своеобразным опытом перенесения восточной «лирической поэмы» в русскую поэзию. Автор знакомит читателя с личностью великого Иранского поэта и его творчеством «Шах-Наме». Передавая содержание одного из эпизодов «Шах-Наме» — эпизода царя Зарда, Чачиков полностью сохранил размер эпоса.

Герои „Границы“

ИЗ ФИЛЬМА «ГРАНИЦА», РЕЖ. ДУБСОН, АРТ. А. ЛЮБШЕВСКИЙ В РОЛИ КОНТРАБАНДИСТА.

стали, как дерево. А сук, как живый, уходит от вас. Это уходит жизнь. Но вам не больно. Ему больно — сук. Ей больно — метель.

А мечта ведь такая маленькая, такая скромная, как бедная невеста. Очень медленно засасывает. И вы закрываете глаза, чтобы не видеть сук, ушедшего далеко...

Но вот на дереве, на это самое дерево, села свободная птица и что-то сказала по-своему или пропела. И вы открыли глаза. А сук за то время, что глаза належали, которая не сбывается, были закрыты, ушел дальше. Песок тянет уже ваши локти.

Вы чувствуете, что это значит, когда вы склоаны до локтей и можете жить только пальцами.

Вам нужно, спасаясь от безумья, закрыть глаза, чтобы не видеть, как улетит птица, чтобы не видеть, как она чистит клюв под собственным крылом, как чистит оружие перед боем.

Вам не надо идти в бой. Стародудинский песок... Вот, пале Дубсон, почему я не буду больше играть вам на скринке, хотя вы сказали, что у меня звук лучше, чем у Эльмана, а фраза выразительней, чем у Крейсера!

Почему Аня, дочка бедного сапожника, была свободной? Рассуждая по поводу переживания Ани во время заключения ее в контрабанде, один из обитателей моего местечка объяснял это так.

В камере у Анд допрос. Как добравивать в контрабанде, уже давно известно. Даже член сейма господин Либман может об этом рассказать полное собрание сочинений.

Есть сионисты просто, и есть сионисты, которые говорят, что они сионисты. Они говорят всегда, что в чужих землях, в диаспоре, им нет смысла драться за социализм. Они, мол, будут драться за социализм в Палестине. Только неизвестно когда. Но как эти сионисты ни называются, все они маршируют под командой господина доктора Живоговского или господина доктора Вейсманна и все они живут на деньги, которые, вероятно не задарма, дает нью-Йоркский банкир Яков Шиф. Этот Шиф дает деньги не только на сионизм. Николай второму он тоже давал деньги, даже больше, чем на сионизм.

Аня была сионисткой третьей категории. Она была сионисткой-мечтательницей.

Есть люди, которые боятся вырвать большой зуб и ищут всякие средства против боли. Например, они нажимают языком на соседние зубы. Может это помочь? Это не может помочь. Но вырвать зуб они боятся и уверяют себя поэтому, что его нельзя вырвать. Можно потерпеть зрение, говорят они, можно остаться без крови. Вот поэтому Аня была сионисткой. Она боялась даже подумать, что когда не годный зуб нужно выдернуть.

В мечтах такие люди бывают очень храбрыми и готовыми на всяческое самопожертвование. Но когда такого человека собирают быть в камере, где ночь отличается от дня только тем, что становится немного темнее, тогда эти люди сходят с ума от страха.

Когда Аня поняла, зачем тюрьма закрыл внутри двери на ключ, зачем он, вместе с полицией и охраной Аня, оставившая, она закрывая, как маленькая женщина, рожавшая крупного первенца.

Почему четыре версты на восток от Старого Дудина спрячались люди, а у нас они — «свободные агенты»?

Один из героев картины, Арье — талантливый скрипач. Но скрипачи не нужны в местечке. Поэтому он служит конторщиком у богача. Вот что рассказывал мне Арье до начала картины...

— Нет, пале Дубсон, я не буду вам больше играть. Вы понимаете, мне не жалко струн или канфоиды. Это даже для меня дешево. И репертуар у меня очень большой. Я знаю много песен. Мне просто иногда жалко самого себя.

Это бывает редко. Это бывает только тогда, когда я вижу вольного человека. Такого человека, который, проехав в наше местечко, может уехать и уезжает по собственному желанию.

Замечательно, что на свете есть люди, которым пути в жизнь не аказаны. Замечательно, что есть люди, которые могут уехать из местечка. Но для этого нужно родиться не в местечке. Обыкновенный еврей, который родился в Старом Дудине, из Старого Дудина не уйдет. Старое Дудино не пускает нас.

Представьте себе, что вы попали в заблудный песок. Ваши ноги запянут уже до колена. Но над вашей головой тянется сук. Хороший, крепкий сук, за который можно ухватиться. Вы, конечно, хватаетесь обеими руками за этот сук, и в первый момент вам может показаться, что вы не только больше не погрузаетесь, но что вы даже немного вытиснули ноги... Выбунный песок — не вода. И вам только кажется, что вы освобождаетесь. Помните: рука устает, и вы вносите на вытиснутых, немеющих ногах, чувствуете, что в кошмар вамим подвешен грузилом земной год, который танет вас не туда, куда направлена жизнь. А пальцы горят. На них как будто уже нет кожи. Кровавым маслом, голыми костями лепяется вы за сук. Потом происходит чудо: вы перестаете быть больше. Вы

Почему Аня, дочка бедного сапожника, была свободной? Рассуждая по поводу переживания Ани во время заключения ее в контрабанде, один из обитателей моего местечка объяснял это так.

В камере у Анд допрос. Как добравивать в контрабанде, уже давно известно. Даже член сейма господин Либман может об этом рассказать полное собрание сочинений.

Есть сионисты просто, и есть сионисты, которые говорят, что они сионисты. Они говорят всегда, что в чужих землях, в диаспоре, им нет смысла драться за социализм. Они, мол, будут драться за социализм в Палестине. Только неизвестно когда. Но как эти сионисты ни называются, все они маршируют под командой господина доктора Живоговского или господина доктора Вейсманна и все они живут на деньги, которые, вероятно не задарма, дает нью-Йоркский банкир Яков Шиф. Этот Шиф дает деньги не только на сионизм. Николай второму он тоже давал деньги, даже больше, чем на сионизм.

Аня была сионисткой третьей категории. Она была сионисткой-мечтательницей.

Есть люди, которые боятся вырвать большой зуб и ищут всякие средства против боли. Например, они нажимают языком на соседние зубы. Может это помочь? Это не может помочь. Но вырвать зуб они боятся и уверяют себя поэтому, что его нельзя вырвать. Можно потерпеть зрение, говорят они, можно остаться без крови. Вот поэтому Аня была сионисткой. Она боялась даже подумать, что когда не годный зуб нужно выдернуть.

В мечтах такие люди бывают очень храбрыми и готовыми на всяческое самопожертвование. Но когда такого человека собирают быть в камере, где ночь отличается от дня только тем, что становится немного темнее, тогда эти люди сходят с ума от страха.

Когда Аня поняла, зачем тюрьма закрыл внутри двери на ключ, зачем он, вместе с полицией и охраной Аня, оставившая, она закрывая, как маленькая женщина, рожавшая крупного первенца.

А. Чачиков

Фирдауси

1. Табе, создавали Книги царей, Я посвящая перья строки Из Книги постов. Стих мой, скорей

Ворвесь в века, минуя сроки: Алмазом черным засверляю. Мой стих, пади на них стремглав. Как лев — сильные всех зверей, Алмаз — друишь каменной щедрей. Кто им владеет — победит, Навек будет знаменит.

Я в Книге свойств узнал о том, В нее врываюсь напролом. Есть семь чудес и семь цветов И в том поклоняться я готов, Что черный цвет есть лучший цвет, Та знал великий наш поэт: Кто молод — волосы черны, Синеи глаза устремлены

На этот мир, в котором мы Все в корне изменить должны. К чему нам белая луна, Когда б ночь не была черна? Семи цветов алмазы есть, Но черному — хвала и честь! Вот потому я и сравнил, По мере самых скромных сил, С алмазом черным строки те, Что ярко светят в высоте. Хочи, любезные друзья, Поэму за поводья влечь, Чтоб черное много сотен лет Фирдауси послать привет На родину его — Иран, Прорвав предугранный туман.

2. Странам итти с эпохой вровень. Ем ты, великий, был сродни С эпохой своей... Довольно Считаю века, недели, дни От дат, ведущих лет слышенье, Ноторые мы зачеркнули

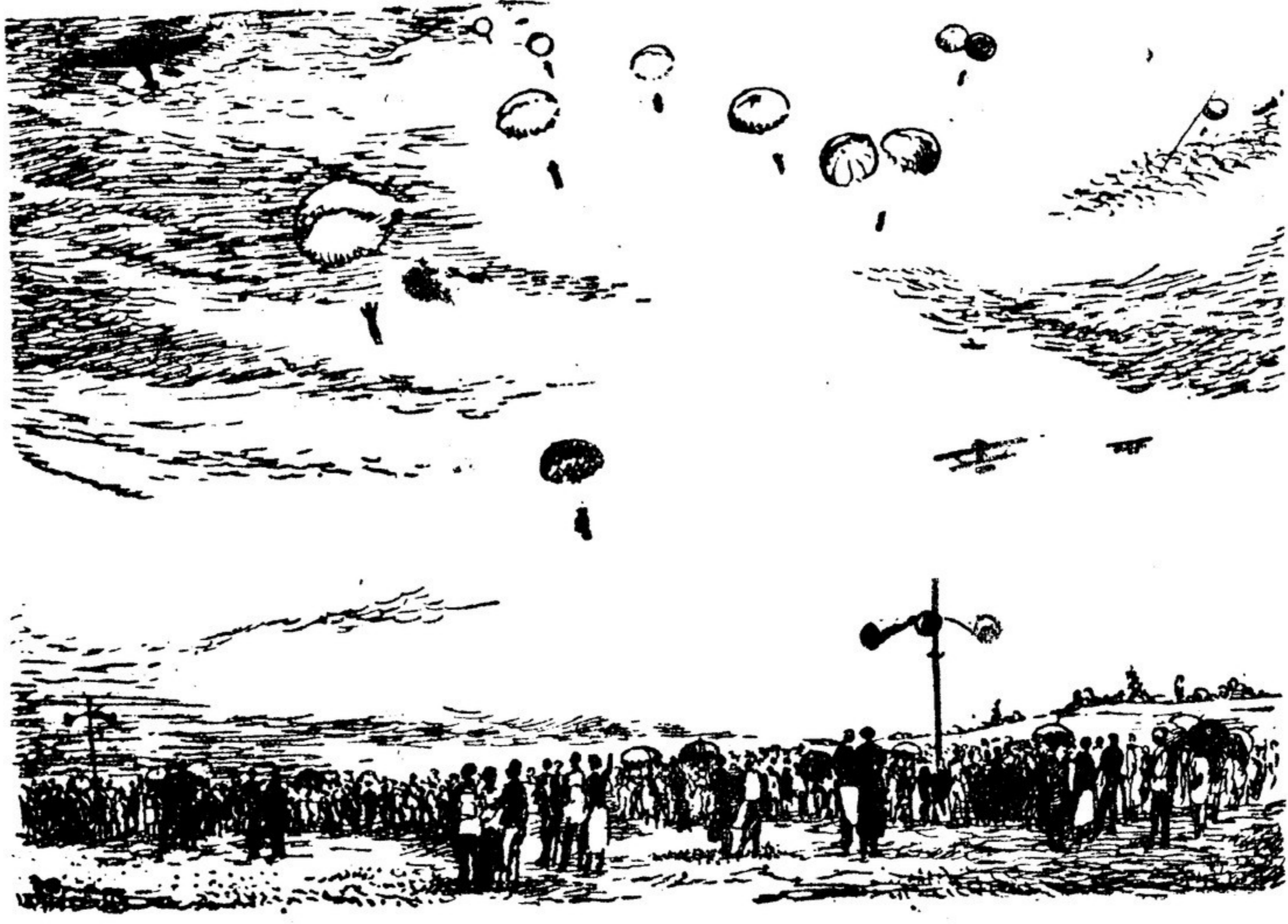

Всесоюзная спартакиада ВЦСПС (финальный день). Т. Патрикеева (союз работников тяжелого машиностроения), занявшая первое место в забеге на 100 метров на бонд.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

★ Встреча с тт. Панчем и Тымчиной. Этим днями на квартире П. И. Панча состоялась дружеская встреча...

★ Встреча А. Г. Сенченко с выпускниками курсов молодых авторов. Недавно в помещении правления ССП Украины состоялась встреча...

Тушино — 1-й всесоюзный слет парашютистов.

Александр Ширванзаде

7 августа на 77-м году жизни умер в Кисловодске народный писатель Армении Александр Ширванзаде...

После Ованеса Туманяна, Александр Ширванзаде безусловно был самым любимым армянским писателем в Закавказье.

Пьесы к 20-летию Октября

В начале июля драматургическая секция ССП Грузии провела совещание, на котором было обсуждено письмо московских драматургов...

Письмо московских драматургов обсуждалось также писателями Кавкази, Западной области и Азербайджана.

ИЗДАНИЯ МАЯКОВСКОГО

Государственное детское издательство выпускает в этом году несколько книг произведений В. В. Маяковского.

АВТОГРАФЫ ЧЕРНЫШЕВСКОГО И НЕКРАСОВА

Центральный литературный музей получил в дар от писателя К. И. Чуковского автограф письма М. Г. Чернышевского к А. Я. Панаевой...

ОДНОТОМНИК ШЕКСПИРА

Издательство иностранных рабочих в СССР подготавливает к печати большой сборник пьес Шекспира на английском языке.

«ЛИТУЧЕБА» КНИГА 2-3

Очередная книга журнала «Литучеба» вышла двойным номером. В ней читатель найдет статьи В. Десницкого...

ЛИТЕРАТУРА ФЕОДАЛЬНОГО КИТАЯ И ЯПОНИИ

Издательство «Academia» выпускает первый номер сборника «Восток». Книга посвящена художественной литературе Японии и Китая эпохи феодализма.

Книги Н. Зархи

Секретариат секции драматургов постановил провести ряд мероприятий по увековечению памяти трагически погибшего драматурга Н. А. Зархи.

Мураново

К 15-летию музея имени Ф. И. Тютчева

Даже во время гражданской войны и разрухи руководители нашей страны не забывали о том, что надо строить культуру для побеждающего пролетариата.

Мураново. Анфилада комнат в верхнем этаже музея Тютчева

На темном фоне России голголевских «Мертвых душ» гедким исключением являлась усадьба, где Тютчев не посмерд бы показаться на глаза радужных и любовных хозяев...

решило по разделу к союзннице поэта, С. А. Путьте. Муж ее, Н. В. Путьте, в двадцатых годах близкий к декабристам, друг Баратынского...

В заключение следует остановиться на разработке архивных фондов музея.

Мурановский архив уже давно перестал быть мертвым кладом. С самого возникновения музея его рукописные материалы привлекали к себе внимание исследователей.

ПОПРАВКИ

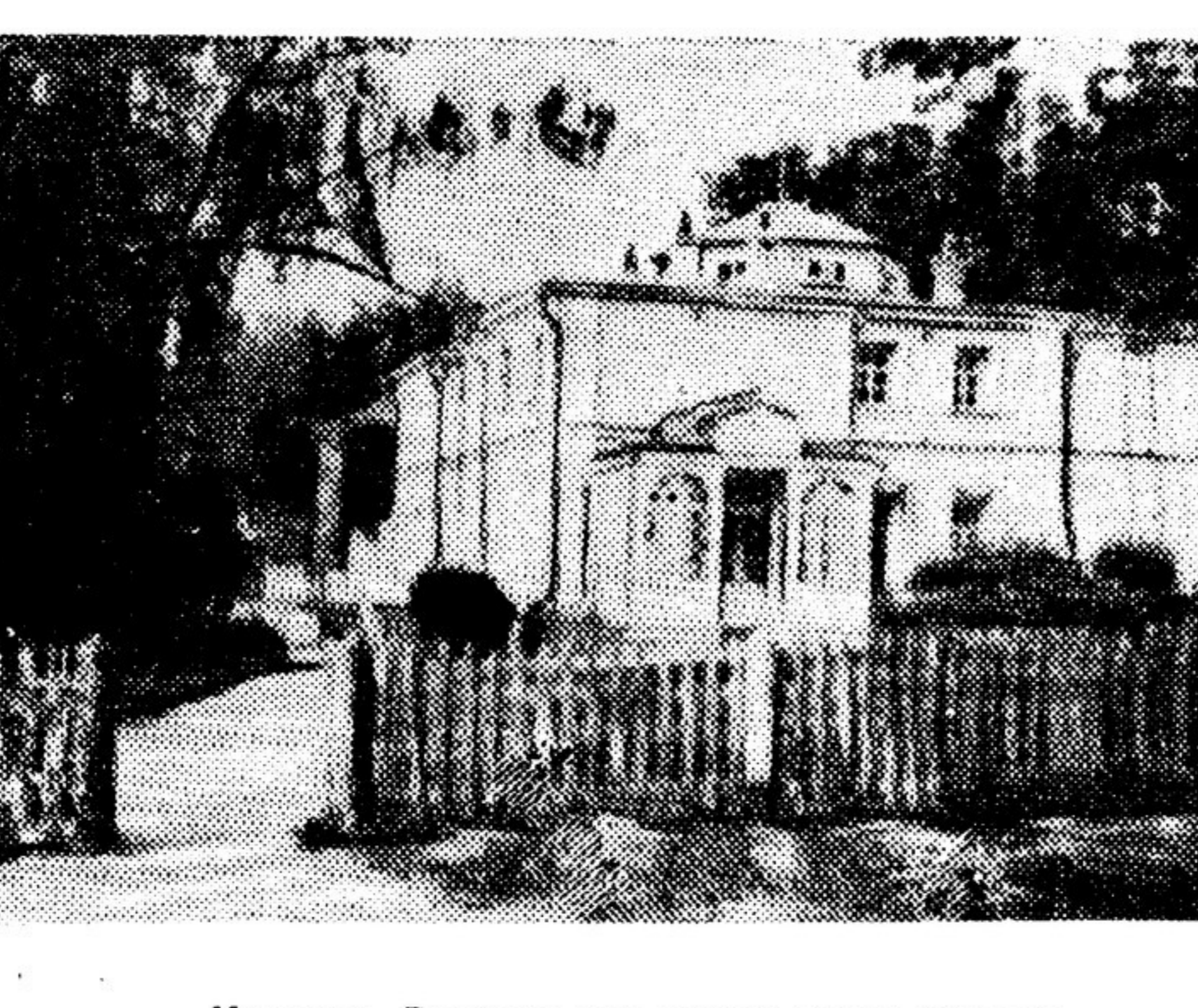
В статье Д. Мирского в номере от 29 июля «Отепло» в театре п/р Радлова по техническому недосмоту выпал конец статьи.

Государственное издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» КОПИЗ — Главная контора подпольных изданий. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на избранные сочинения М. ГОРЬКОГО

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ на английском языке ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС — ЗАПИСКИ ПИКВИНСКОГО КЛУБА с предисловием А. В. Луначарского

ИЗДАНИЕ «СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ» ВЫШЕЛ и рассылается подписчикам № 2-3 журнала «ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА»

Мураново. Внешний вид здания музея Тютчева. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.

Мураново. Внешний вид здания музея Тютчева.

К. ПИГАРЕВ

Удостоверен. Гааванта Б—4869.